

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы

город Санкт-Петербург

14 июля 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя группы депутатов Государственной Думы – депутата Государственной Думы А.Г.Тарнавского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации

Федерации Д.Ф.Вяткина, представителя Совета Федерации – председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос группы депутатов Государственной Думы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросе законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П.Маврина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства иностранных дел Российской Федерации – Г.В.Кузьмина, от Министерства юстиции Российской Федерации –

М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация ратифицировала подписанные ранее, 28 февраля 1996 года, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и ряд Протоколов к ней. При этом, в частности, как указано в статье 1 названного Федерального закона, Российская Федерация в соответствии со статьей 46 данной Конвенции признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Согласно статье 32 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации (пункт 1); федеральные органы исполнительной власти и уполномоченные организации, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами Российской Федерации, обеспечивают выполнение обязательств Российской Стороны по договорам и осуществление прав Российской Стороны, вытекающих из этих договоров, а также наблюдают за выполнением другими участниками договоров их обязательств (пункт 2).

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации суд обязан разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, федеральных законов, иных нормативных правовых актов органов государственной власти и нормативных правовых актов органов местного самоуправления (часть первая статьи 11); если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, суд при разрешении гражданского дела применяет правила международного договора (часть четвертая статьи 11); к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, относится, в частности, установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека (пункт 4 части четвертой статьи 392).

Аналогичные положения о применении судами, арбитражными судами правил международных договоров и об установлении Европейским Судом по правам человека нарушения Россией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод как основания для пересмотра соответствующих судебных актов закреплены в частях 1 и 4 статьи 13, пункте 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частях 1 и 4 статьи 15, пункте 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункте 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По мнению группы депутатов Государственной Думы, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, указанные законоположения не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (части 1, 2 и 4) и 79, поскольку фактически обязывают Россию, ее

органы законодательной, исполнительной и судебной власти, к безусловному исполнению постановления Европейского Суда по правам человека – даже в случае, если оно противоречит Конституции Российской Федерации.

1.1. Согласно части первой статьи 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» запрос в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности указанных в статье 125 (пункт «а» части 2) нормативных актов органов государственной власти допустим, если заявитель считает их не подлежащими действию из-за неконституционности.

Оспариваемые в запросе части 1 и 4 статьи 15 и пункт 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, как следует из статьи 1 Федерального закона от 8 марта 2015 года № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», вводятся в действие с 15 сентября 2015 года. Вместе с тем эти законоположения аналогичны другим положениям действующего процессуального законодательства, конституционность которых также подвергается сомнению заявителями.

С учетом приведенных обстоятельств и принимая во внимание, что группа депутатов Государственной Думы обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке абстрактного нормоконтроля, т.е. вне связи с конкретным делом, рассмотрение которого завершено в суде общей юрисдикции, арбитражном суде, данный запрос в этой части может быть признан отвечающим критерию допустимости, как он определен статьей 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

1.2. Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 2 июля 2013 года № 1055-О, проверка конституционности федерального закона о ратификации международного договора, в том числе по порядку принятия, по общему правилу, может быть осуществлена лишь до момента вступления данного

международного договора в силу (который обычно не совпадает с моментом завершения процесса принятия соответствующего федерального закона о ратификации международного договора); иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и нарушало бы предписания статьи 125 (пункт «г» части 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений подпункта «г» пункта 1 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые уполномочивают Конституционный Суд Российской Федерации разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Как следует из материалов настоящего дела, заявители не подвергают сомнению ни какие-либо положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации, ни Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» как нормативное основание ее включения в правовую систему России в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем названный Федеральный закон находится в неразрывном нормативном единстве с другими оспариваемыми в запросе положениями процессуального законодательства и Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», образуя вместе с ними нормативно-правовую базу для исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении России на основании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека в конкретном деле.

Депутаты Государственной Думы связывают возникшую, как они полагают, неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации, с закрепляемой ими безусловной обязательностью вынесенных в отношении России постановлений Европейского Суда по правам человека – в тех случаях, когда между содержащимся в таком постановлении толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции Российской Федерации возникают коллизии.

1.3. Таким образом, исходя из требований статей 74, 84 и 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании подлежит разрешению вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека,

если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3). В корреляции с названным положением Конституции Российской Федерации находятся предписания ее статьи 15 (часть 4), устанавливающей, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и статьи 79, в силу которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

В порядке реализации приведенных конституционных установлений Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и тем самым признала ее составной частью своей правовой системы, а юрисдикцию Европейского Суда по правам человека, в силу статьи 46 Конвенции, *ipso facto* и без специального соглашения – обязательной по вопросам толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией (согласно пункту 1 данной статьи Конвенции в редакции Протокола от 13 мая 2004 года № 14 Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами).

2.1. По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 15 (часть 2), 17 (часть 2), 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52, 53, 55 и 118 Конституции Российской Федерации, гарантированная каждому и являющаяся обязанностью государства защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе судебная защита, право на которую относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, не может быть признана действенной, если вынесенный в целях восстановления нарушенных прав судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется. Исходя из

этого, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, подлежит исполнению (Постановление от 6 декабря 2013 года № 27-П).

Соответственно, поскольку постановление Европейского Суда по правам человека подразумевает принятие государством-ответчиком конкретных мер по его исполнению, лицо, в отношении которого было установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, во всяком случае должно иметь возможность обратиться в компетентный суд Российской Федерации с заявлением о пересмотре судебного акта, послужившего поводом для направления жалобы в Европейский Суд по правам человека, и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено; в свою очередь, решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта – учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя – должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении его доводов, а также обстоятельств конкретного дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П и от 6 декабря 2013 года № 27-П).

Что касается позиции самого Европейского Суда по правам человека относительно реализации выносимых им постановлений, то он полагает, что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных

свобод правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека; разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы; такая дискреция в отношении способа исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека отражает свободу выбора, присущую вытекающей из статьи 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод основополагающей обязанности государств-участников обеспечивать определенные ею права и свободы (постановления от 13 июля 2000 года по делу «Скоццари и Джунта (*Scozzari & Giunta*) против Италии», от 30 июня 2005 года по делу «Ян (*Jahn*) и другие против Германии», от 29 марта 2006 года по делу «Скордино (*Scordino*) против Италии» (№ 1), от 3 июля 2008 года по делу «Мусаева против России», от 3 июля 2008 года по делу «Руслан Умаров против России» и др.).

Согласно статье 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Тем самым защита прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции, осуществляется Европейским Судом по правам человека на основе принципа субсидиарности, из которого, как неоднократно отмечал и сам Европейский Суд по правам человека, вытекает обязанность государств, ратифицировавших Конвенцию, гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем правопорядке и по отношению к органам национальной судебной системы (постановления от 29 марта 2006 года по делу «Мостаччюоло (*Mostacciolo*) против Италии (№ 2)» и от 2 ноября 2010 года по делу «Сахновский против России»).

В силу статей 46 (части 1 и 3), 120 (часть 1), 125 и 126 Конституции Российской Федерации такая, – по существу, дополнительная к национальному механизму судебной защиты прав человека – роль

Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации предопределяется необходимостью осуществления судебной защиты в первую очередь всеми судами Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации (который является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным делам и осуществляет защиту прав и свобод граждан в том числе путем рассмотрения кассационных и надзорных жалоб на вступившие в законную силу судебные акты), а также Конституционный Суд Российской Федерации (который как высший судебный орган конституционного контроля рассматривает дела по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным национальными судами в конкретном деле).

2.2. Поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, постольку государство обязано исполнять вынесенное на основании положений Конвенции постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного предмета спора. При этом реализация предусматриваемых постановлением Европейского Суда по правам человека мер как индивидуального (*individual*), так и общего (*common*) характера должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы.

Вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и

тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации.

Будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий (преамбула; статья 1, часть 1; статья 15, часть 4; статья 17, часть 1; статья 79 Конституции Российской Федерации), что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П).

Исходя из этого в ситуации, когда самим содержанием постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных Европейским Судом по правам человека в рамках конкретного дела, неправомерно – с конституционно-правовой точки зрения – затрагиваются

принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации.

3. При разрешении конституционно-правовых коллизий, могущих возникнуть в связи с толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации, необходимо учитывать Венскую конвенцию о праве международных договоров, участником которой является Россия.

Закрепляя в статье 26 фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda* (каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться), Венская конвенция устанавливает также общее правило толкования договоров, предусматривающее, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора (пункт 1 статьи 31).

Таким образом, международный договор является для его участников обязательным в том значении, которое может быть уяснено с помощью приведенного правила толкования. С этой точки зрения если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции. Соответственно, постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в

результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Кроме того, как следует из пункта 1 статьи 46 Венской конвенции, государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного договора, ссылаясь на то обстоятельство, что согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения. В Российской Федерации к числу таких норм в первую очередь относятся положения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, изменение которых не допускается посредством конституционных поправок, а может быть осуществлено, как установлено ее статьей 135, исключительно посредством принятия новой Конституции Российской Федерации.

Поскольку Россия, по смыслу статей 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции Российской Федерации, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие, несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они

определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя.

При этом, однако, не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал Конституции Российской Федерации, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточно высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции Российской Федерации.

В свою очередь, безусловное исполнение Россией решений межгосударственного органа, принятых на основании такого международного договора в не согласующемся с Конституцией Российской Федерации истолковании, могло бы повлечь нарушение ее положений, которое в данном случае (учитывая презумпцию осведомленности органов, специально уполномоченных международным договором на рассмотрение вопросов, касающихся защиты прав и свобод граждан, о содержании действующих конституций государств – участников международного договора) является, несомненно, явным, т.е. объективно очевидным для любого субъекта международного права, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой (пункт 2 статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров).

Вместе с тем, поскольку выражение Российской Федерацией согласия на обязательность для нее международного договора в нарушение того или

иного положения Конституции Российской Федерации может выявиться только после принятия уполномоченным межгосударственным органом решения, основанного на истолковании конкретной нормы данного международного договора в смысле, приводящем к ее несогласованности с соответствующим положением Конституции Российской Федерации, речь в таких случаях идет не о действительности или недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности соблюдения обязательства о применении его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела.

В контексте приведенных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе постановление Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации.

4. Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, стремясь обеспечить дополнительными гарантиями реализацию закрепленного в статье 2 Конституции Российской Федерации фундаментального положения о правах и свободах человека как высшей ценности в демократическом правовом государстве. В силу того что участие России в данной Конвенции, соблюдение которой призван обеспечивать Европейский Суд по правам человека, обусловлено задачей надлежащей реализации именно этого конституционного положения, гармонизация российского права с конвенционным, толкование и применение которого осуществляются Европейским Судом по правам человека в процессе рассмотрения конкретных дел, допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией Российской Федерации.

Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере – притом что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина – отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям.

Соответственно, Конституционный Суд Российской Федерации не может поддержать данное Европейским Судом по правам человека толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их истолковании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Отступление от толкующих и применяющих Конвенцию о защите прав человека и основных свобод постановлений Европейского Суда по правам человека имеет место и в практике европейских государств, хотя также в исключительных случаях и при наличии достаточно веских причин, в том числе при выявлении конвенционно-конституционных коллизий, которые, как правило, касаются не столько основного содержания (существа) тех или иных прав и свобод человека как таковых (сформулированных в Конвенции

самым абстрактным образом), сколько их конкретизации посредством толкования постановлениями Европейского Суда по правам человека, содержащими, в свою очередь, оценку осуществленных на национальном уровне толкования и реализации этих, а также сопоставимых с ними по содержанию прав, закрепленных конституциями государств – участников Конвенции.

Наиболее показательной в этом плане является практика Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германия, опирающаяся на выработанную им в постановлениях от 11 октября 1985 года, от 14 октября 2004 года и от 13 июля 2010 года правовую позицию относительно «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека». В частности, при разрешении вопроса об исполнении постановления Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2004 года по делу «Гёргюлю (*Gorgulu*) против Германии» он следующим образом сформулировал принцип приоритета национальной конституции перед решениями Европейского Суда для целей национального правоприменения: во внутреннем правопорядке Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет статус федерального закона и наряду с практикой Европейского Суда по правам человека служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ; решения Европейского Суда по правам человека не всегда обязательны для исполнения судами ФРГ, но и не должны полностью оставаться без внимания; национальной юстиции следует учитывать эти решения надлежащим образом и осторожно приспособлять их к внутреннему законодательству. Вместе с тем, как полагает Федеральный Конституционный Суд ФРГ, средство достижения согласия с Европейским Судом по правам человека – это избегание конфликтов между внутренним и международным правом на начальном этапе рассмотрения дела в

национальном суде, которые в принципе должны быть сведены к минимуму, поскольку оба суда используют одинаковую методологию (постановление от 14 октября 2004 года по делу 2BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307). Схожая позиция была выражена им ранее – в отношении решений Европейского Суда справедливости (определение от 29 мая 1974 года по делу 2 BvL 52/71 (BVerfGE 37, 271) [«Solange-I»]).

Аналогичный подход использовал Конституционный Суд Итальянской Республики, не согласившись с выводами Европейского Суда по правам человека относительно трансграничных пенсионных выплат, которые были сформулированы в постановлении от 31 мая 2011 года по делу «Маджо (*Maggio*) и другие против Италии». В частности, в постановлении от 19 ноября 2012 года по делу № 264/2012 он указал, что соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке, но, напротив, может и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты; как следствие, противоречие между защитой, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и конституционной защитой основных прав должно разрешаться в направлении максимального расширения гарантий и при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными интересами, защищаемыми конституцией, т.е. с другими конституционными нормами, гарантирующими основные права, на которые могло бы повлиять расширение отдельно взятой гарантии. О приоритете конституционных норм говорится и в постановлении Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (*Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012*): решение международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в контексте статьи 10 Конституции Итальянской

Республики, которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международного права в национальную систему.

Конституционный Суд Австрийской Республики, признавая значимость Конвенции о защите прав человека и основных свобод и основанных на ней постановлений Европейского Суда по правам человека, также пришел к выводу о невозможности применения конвенционных положений в истолковании Европейского Суда по правам человека, противоречащем нормам национального конституционного права (постановление от 14 октября 1987 года по делу № В267/86).

Верховный Суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в решении от 16 октября 2013 года ([2013] UKSC 63) отметил неприемлемость для британской правовой системы выводов и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод в постановлении Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу «Хёрст (*Hirst*) против Соединенного Королевства (№ 2)» относительно проблемы избирательных прав заключенных. Согласно его правовой позиции решения Европейского Суда по правам человека в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению, – по общему правилу, они лишь «принимаются во внимание»; следование же этим решениям признается возможным лишь в том случае, если они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права.

Во всех приведенных случаях конвенционно-конституционных коллизий речь идет не о противоречии между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским Судом по правам человека в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами (или другими высшими судами, наделенными аналогичными полномочиями). Оценивая нормы внутреннего

законодательства на соответствие конституциям своих государств, эти национальные судебные органы при принятии решения исходят из того, какое толкование, с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства, имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты.

Хотя интерпретационная правоприменительная практика самого Европейского Суда по правам человека по тому или иному вопросу, накапливаемая в течение сравнительно длительного периода, может со временем изменяться, тем не менее его постановления, как представляется, должны обеспечивать более высокий – по сравнению с национальным регулированием – уровень защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако неоднозначность такого предположения обнаруживается на примере дела «Константин Маркин против России», по поводу которого в 2010 году возник конфликт толкований между Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским Судом по правам человека в вопросе о наличии или отсутствии дискриминации по гендерному признаку вследствие лишения мужчин-военнослужащих возможности получить трехгодичный отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый женщинам-военнослужащим.

В этом деле, как и в других делах, затрагивающих проблему позитивной дискриминации, нарушение статьи 14 «Запрещение дискриминации» Конвенции о защите прав человека и основных свобод связано, как полагает Европейский Суд по правам человека, с предоставлением тех или иных преимуществ исключительно по объективному, не обусловленному индивидуальными особенностями лица признаку, например такому, как гендерная принадлежность. Причем в понимании Европейского Суда по правам человека дискриминация (а в рассматриваемом деле, следовательно, нарушение статьи 14 Конвенции) отсутствует и в случае «негативного равенства» – при отказе законодателя от

предоставления права на отпуск по уходу за ребенком всем лицам, подпадающим под категорию военнослужащих, что, однако, означало бы снижение уровня защиты, который в России на сегодняшний день гарантирован, в том числе с учетом особой (связанной с материнством) социальной роли женщины в обществе, довольно многочисленной категории женщин-военнослужащих. По мнению же Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие дискриминации возможно при равенстве субъектов, принадлежащих к одной категории, в данном случае – женщин-военнослужащих, т.е. если предоставлению спорного права всем военнослужащим препятствуют специфика военной службы и необходимость обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства, то его предоставление всем женщинам-военнослужащим в балансе конституционных ценностей допустимо.

Характерным примером наиболее очевидного расхождения с положениями Конституции Российской Федерации служит постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», в котором наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда, было признано нарушением статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что прямо противоречит статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Согласие Российской Федерации на исполнение такого постановления означало бы нарушение ею статей 15 (часть 1), 32 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации либо – в силу ее статьи 135 – необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации, притом что присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участие в ней России как правового демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью,

обусловлено самим принятием, соблюдением и действием Конституции Российской Федерации.

5. Положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приняты в порядке конкретизации статей 15 (часть 4), 17 (часть 1), 46 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации.

В контексте конституционно защищаемых ценностей эти законоположения в их нормативном единстве, выступая в качестве важной правовой гарантии имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовую систему Российской Федерации, одновременно призваны обеспечить согласованный процессуально-правовой порядок исполнения вынесенных в отношении нее постановлений Европейского Суда по правам человека, основанных на толковании и применении положений Конвенции.

5.1. Вопросы, возникающие в связи с исполнением постановлений Европейского Суда по правам человека, уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: наличие в правовой системе государства процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, в связи с вынесением которых были констатированы нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выступает в качестве меры, обязательность осуществления которой в целях реализации

предписаний данной Конвенции вытекает из ее статьи 46 во взаимосвязи со статьями 19, 46 и 118 Конституции Российской Федерации, а следовательно, требует законодательного закрепления механизма исполнения окончательных постановлений Европейского Суда по правам человека, позволяющего обеспечить адекватное восстановление прав, нарушение которых выявлено Европейским Судом по правам человека; соответственно, федеральный законодатель обязан гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека.

Постановлением от 6 декабря 2013 года № 27-П Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не противоречащими Конституции Российской Федерации. Выявляя конституционно-правовой смысл этих законоположений в системе действующего правового регулирования, он опирался на выводы, сформулированные ранее в Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П, а также на следующие правовые позиции:

в процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации суд общей юрисдикции, обязанный подчиняться только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) и разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации и законодательства Российской Федерации (часть первая статьи 11 ГПК Российской Федерации), может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без отказа от применения положений законодательства Российской Федерации

Федерации, ранее признанных Конституционным Судом Российской Федерации не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. В таком случае перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений, повлекших нарушение соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их интерпретации Европейским Судом по правам человека;

выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой – обязанность Конституционного Суда Российской Федерации окончательно разрешить этот вопрос. В связи с этим пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не могут рассматриваться как препятствующие суду общей юрисдикции, осуществляющему производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению лица, в отношении которого Европейским Судом по правам человека было констатировано нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обусловленное применением в его деле положений законодательства Российской Федерации, приостановить производство и обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации. Вынесение в таких случаях судом общей юрисдикции решения по результатам рассмотрения заявления о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации без предварительного обращения в Конституционный Суд Российской Федерации означало бы, что в практике судов общей юрисдикции допускается возможность различной оценки конституционности одних и тех же

законоположений и тем самым – в нарушение требований Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 3, 4, 15 и 76, – ставится под сомнение верховенство Конституции Российской Федерации, обладающей в правовой системе Российской Федерации высшей юридической силой по отношению к любым правовым актам, действующим на территории Российской Федерации.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные применительно к порядку пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, в рамках гражданского судопроизводства, имеют универсальный характер и потому в полной мере распространяются на другие виды судопроизводства.

5.2. В порядке реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года № 27-П Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 года № 9-ФКЗ статья 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» была дополнена частью второй, согласно которой суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона.

Названное законоположение и находящиеся в системном единстве с ним положения пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4

части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются, таким образом, правовым средством обеспечения верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации при разрешении возможных коллизий между содержащимся в постановлении Европейского Суда по правам человека толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции Российской Федерации. При этом указанные законоположения – по своему конституционно-правовому смыслу в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – во всяком случае обязывают суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации.

5.3. Если постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление – по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации – не может быть исполнено. Соответственно, если органы государственной власти Российской Федерации, к компетенции которых относится обеспечение применения Конвенции как международного договора Российской Федерации, приходят к выводу о том, что такое противоречие имеет место и что действия и решения, которые требуются для

исполнения постановления Европейского Суда по правам человека, могут привести к нарушению положений Конституции Российской Федерации, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России.

Данный вопрос, как следует из статей 118 (часть 2) и 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (части 1 и 4) и 79, по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства. По смыслу действующего правового регулирования, это возможно посредством толкования соответствующих положений Конституции Российской Федерации, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации по официальному запросу уполномоченных субъектов в целях устранения неопределенности в понимании этих положений применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 125, часть 5, Конституции Российской Федерации; глава XIV Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Причем как инструмент обеспечения верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации такое толкование может применяться и в том случае, если исполнение (в части принятия мер индивидуального и общего характера) вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека осуществляется (может осуществляться) и без участия судов.

6. Вопросы, связанные с европейской системой защиты прав человека и ролью Европейского Суда по правам человека в качестве ее контрольного механизма, активно обсуждаются и на самом высоком международном уровне. Участники таких обсуждений, в том числе имевших место на конференциях в Интерлакене (2010 год), Измире (2011 год) и Брайтоне (2012 год), высказывают взаимоисключающие мнения – от заявлений о недопустимости каких-либо

посягательств на дух и букву Конвенции о защите прав человека и основных свобод и полномочия Европейского Суда по правам человека до резкой критики этих институтов как устаревших и утративших к настоящему моменту правовую и социальную легитимность, тем более если учесть, что многие актуальные и острые проблемы изначально, при заключении Конвенции и учреждении Европейского Суда по правам человека, вообще не входили в сферу его юрисдикции.

К наиболее заметным результатам состоявшихся дискуссий можно отнести предложение конференции в Брайтоне о включении в преамбулу Конвенции о защите прав человека и основных свобод упоминания о «принципе субсидиарности» (*principle of subsidiarity; principe de subsidiarité*) и «доктрине свободы усмотрения» (*margin of appreciation; marge d'appréciation*) и внесение Комитетом Министров Совета Европы на рассмотрение государств-участников соответствующих поправок в виде Протокола № 15 к Конвенции, который открыт для подписания с 24 июня 2013 года. С учетом этих поправок конструктивным способом преодоления расхождений и предотвращения правовых конфликтов между суверенными государствами – членами Совета Европы может стать готовность к сотрудничеству, построенному на понимании и принятии одной стороной определенных, уместных лишь в рамках общих базовых принципов, оговорок относительно вопросов, по которым другая сторона уступать не готова.

Однако взаимодействие европейского и конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия. Именно такого подхода призван придерживаться в своей деятельности Европейский Суд по правам человека как межгосударственный субсидиарный судебный орган, и именно от уважения им национальной конституционной идентичности государств – участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод во многом зависит эффективность ее норм во внутригосударственном правопорядке. Особое

внимание наднациональных органов к базовым элементам этой конституционной идентичности, которые образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя, позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом, что, в свою очередь, во многом будет определять – при сохранении конституционного суверенитета государств – эффективность всей европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина и дальнейшую гармонизацию европейского правового пространства в этой области.

В Российской Федерации разрешение подобного рода конфликтных ситуаций возложено – в силу Конституции Российской Федерации – на Конституционный Суд Российской Федерации, который лишь в редчайших случаях считает возможным использовать «право на возражение» ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в формирование сбалансированной практики Европейского Суда по правам человека, но не ради самоизоляции от его решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами – участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним. В таком контексте Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года № 27-П, так же как и настоящее Постановление, следует рассматривать как стремление избежать серьезных осложнений в отношениях России не только с Европейским Судом по правам человека, но и с Советом Европы в ситуации, при которой постановление Европейского Суда по правам человека предполагает внесение в российское законодательство изменений, чреватых нарушением закрепленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, причем гораздо более существенным, нежели то, против которого возражал Европейский Суд по правам человека.

Если Конституция Российской Федерации не позволяет согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Свидетельством такого – основанного на Конституции Российской Федерации – подхода Конституционного Суда Российской Федерации является последовательная имплементация им положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации признает значимость его деятельности по выявлению недостатков национального правового регулирования и по предложению путей к их устранению. Вместе с тем наличие в практике Европейского Суда по правам человека проблем, связанных с отступлением от принципа субсидиарности, создает, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, риск возникновения ситуаций, при которых ориентация на достаточно абстрактные нормы Конвенции может привести к игнорированию воли конституционного законодателя в межгосударственной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку на основании данных положений по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека, выступающего в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты;

суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке

конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации;

государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, – придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, – правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции; в случае если Конституционный Суд Российской Федерации придет к выводу, что постановление Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению; Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации – поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей

которых она является, – придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о толковании соответствующих положений Конституции Российской Федерации в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 21-П